

к духовным подвигом».²⁰ Писатель и себя считает достойным «вкусить от духовной пищи». Тем самым он как бы устранился от писания жития и подчеркивает, что житие — создание самого святого, писатель же лишь орудие в руках бога, и, работая над житием, он сам как бы приобщается к святости.

Необходимо обратить внимание на то, что это тройное сравнение — житие—проповедь—трапеза духовная — отражает удивительное умение писателя художественно верно и тонко передать свою мысль. На трапезу не просто приглашаются, но зазываются. Приглашение в начале жития представляет собой обычное зазывание, взятое из мирской жизни (опять характерное для Епифания противопоставление мирской и духовной жизни). Однако приглашаются лишь люди, богу угодные. Этим сразу отделяется зазывание на духовную трапезу от обычного «земного» зазывания. Епифаний приглашает на духовную трапезу. Зазывание же на эту трапезу идет не от самого Епифания, греховного человека, а «се бо свыше наше звание приде».²¹ Епифаний все время подчеркивает, что он пишет по воле божией, что он орудие божественной мудрости. Внутренне он, конечно, сознает свое умение говорить искусно, но хочет внушить читателю, что это не его заслуга.

В Житии Сергия уже нет большого количества ссылок на собственное ничтожество. И это неслучайно. Называя житие трапезой духовной, Епифаний Премудрый достигает своей основной цели: возвысить предмет своего творчества. Художественный вкус и тонкое мастерство никогда не изменяют писателю. Произведение создается для церковных торжеств, и говорить о себе, земном, — лишнее. Писатель как бы растворился в создании своего произведения, он проникся сам святостью того дела, в котором он принял участие. Через житие к читателю переходит истина, данная самим богом.

Епифаний пишет: «Не бо от человек наше звание, но сама святаяа живоначалная създательнаа и человеческим умом непостижимаа Троица ликования въздвиже».²²

Можно сделать вывод об отношении писателя к литературе, проявившемся и в данном произведении. Логическая последовательность рассуждений писателя такова: литературное произведение — это трапеза, празднество, ликование, а значит, и отношение к литературе должно быть особым, как к чему-то свыше предложенному для спасения читателя, для его духовного насыщения. Это говорит о понимании Епифанием литературы и о сознательном возвышении ее.

Ясно, что все это необходимая литературная позиция, зависящая от религиозно-философских взглядов писателя. Писатель считает, что его долг прославить святого. Святой-подвижник близок богу, чужд житейских страстей, ему следует подражать и поклоняться. Через него возможно приближение к самому богу. И только тогда — блаженство и истина. Здесь можно увидеть отголосок учения исихастов,²³ расцвет которого приходится как раз на XIV—XV вв. Исихазм установил целую систему переходных степеней приближения к богу. Таковы и практические добродетели, главное в которых — деяние, что и имеет все время ввиду Епифаний Премудрый.

Писатель, Епифаний Премудрый, подготавливается заранее, обдумывает каждую мелочь, пользуется всеми доступными ему художественными

²⁰ Древние жития Сергия Радонежского, стр. 132.

²¹ Там же, стр. 70.

²² Там же, стр. 71.

²³ См.: П. Динков. Стара българска литература, ч. 2. София, 1953, стр. 39—42.